

Мария Ерова
Си Эд

СНЕГУРУШКА

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Е76

Е76 **Ерова М.**
Снегурушка / Мария Ерова, Си Эд – М.: Литнет, 2025. – 98 с.

ISBN 978-5-521-93601-4

Ледяная, бездушная, отчуждённая... Снегурушка явилась в чужой дом, притворившись их чадом, чтобы стать началом конца его обитателей и всех жителей деревни. Но что, если в мёртвом теле зародилась душа, способная погубить свою обладательницу? Ведь любовь к Лелю, что взыграла в её холодном сердце, медленно плавит лёд, из которого слеplено её тело.

Любовь к нему – её погибель. Любовь к ней – его грех...

Выживет тот, кто первым убьёт в себе это чувство.

Или просто убьёт другого...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93601-4

© Литнет, 2025
© М. Ерова, 2025

Пролог

Зазвенел мороз на солнце! Понеслась пурга! Небо заголубело, словно весну почуяв, а про неё ещё и думать не следовало!

А стайка неугомонных ребятишек, высыпав в такой холод, принялась за привычное дело: а ну, бабу снежную ваять! Да не так-то это просто было сделать, снег не липкий на морозе, щёки алым горят, да разве их это когда-нибудь останавливало?! Смеются на перебой, шары катают! И не холодно, нет! Весело, да радостно!

Кое-как в кучу снежок свалили, да по бокам добавили, ладошками прохлопав. Притащили платья старые мамкины, да бусы из рябин, что птицы склевать не успели, и ну давай бабу свою украшать! Вышла баба на славу – загляденье, фигуристая, да нарядная! Красота одним словом!

Потоптались, полюбовались, да на горку ледяную отправились – ещё одна забава, которую пропустить нельзя. А мороз – ну что мороз? Детям он не помеха...

Поглядывала на них старая Анисья, опару замешивая, любовалась. Даже узоры на стекле рукой растёрла, чтоб краешком глаза на чужих ребятишек взглянуть – своих у неё не было, как ни старалась. Вот и жизнь уже к закату клонилась, а печаль по этому поводу всё не отпускала. Нет-нет, да и всплакнёт, глядя на весёлую ребятню, резвящуюся на улице. Не завидовала, но печалилась, тихо было в её доме, тоскливо.

Вот и чужие детки разбежались, и тишина вновь тяжким грузом опустилась на уставшую душу. Дед Тимофей на печи лишь похрапывал – ему что, наколол дров, притащил воды, да свободен. Дел зимой немного, да и скотины им на двоих козы да коровы хватало.

Темнело уже, а Анисья так и сидела у окна, глядя на творение

рук детских. Неказистая вышла нынче у них снежная баба, да всё лучше, чем ничего. Вот если бы кто из взрослых подсобил...

Накинув на плечи тёплую свиту, Анисья вышла на улицу. После тёплой избы мороз иголками кольнул лицо и шею, да и руки замёрзли, вот только в избе сидеть вовсе не хотелось. Мороз крепчал и яркие звёзды предвещали и завтра холодный денёк, но на то зима и есть, чтобы холодно было. Весна всех согреет.

В темноте одинокая фигура перед избами казалась бледным истуканом, но женщина подошла к ней, продолжая рассматривать. Жаль ей стало несчастную, и не смотри, что не живая, а всё ж творение рук человеческих! Протянула руку, «лица» коснулась. «Вот бы дочка у меня была, я б с ней с утра до ночи играла, вместе бы баб снежных лепили!» – подумала Анисья. И, задумавшись, приладила снег, придавая ему форму глаз да бровей, носа, шею поаккуратнее. Не заметила, как время прошло. Замёрзла, устала, да от мыслей скорбных отвлеклась. Да спать отправилась – поздний час на дворе стоял, пора была возвращаться.

Глава 1

Вначале родилась мысль, за ней другая.

Её словно тянуло из мягкого насиженного места в иное, незнакомое, холодное и... твёрдое. Душа, отвыкнувшая от всякой оболочки, привыкшая к свободе, с удивлением узнала себя в новом теле. Не испугалась, но с непривычки замерла.

Первыми дрогнули тонкие белые пальцы, после руки согнулись в суставах, а за ними и плечи расправились. Тело зашевелилось, шея повернулась, помогая голове осмотреться. Но она ничего не понимала и не узнавала.

Ноги сделали первый шаг, не давая больше возможности телу остановиться. Она двигалась, она шла, она могла говорить, произнеся вслух несколько слов на, казалось, незнакомом языке, но не помнила, кто она и откуда взялась.

Но безошибочно двинулась в сторону ближайшего дома.

Света лучин не было видно, но из трубы столбом валил густой дым. Значит, там были люди.

Дойдя до двери, она неуверенно постучала, но, не получив ответа, повторила свою попытку. Кто-то закашлялся с той стороны, и она замерла, ожидая реакции тех, кто, должно быть, сейчас впустит её в избу.

Дверь и впрямь скоро открылась, и свет луны выхватил из темноты бледное заспанное лицо уже немолодой женщины. Она куталась во что-то тёплое, и с подозрением пыталась рассмотреть, кто побеспокоил её посреди ночи. А после, осенив себя крестным знаменем, отступила вглубь комнаты, но тут же подалась назад.

Не спалось старой Анисье, хоть убивай. Всё передумала, пере-мыслила, все глаза проглядела. Вот и жизнь к концу подошла, а всё одно и тоже. Не было у неё счастья, не было той жизни, о которой мечтает каждая баба. Тимофей мерно храпел на печи, лишь изредка замирая, и Анисья всё пыталась уснуть, но горькие мысли так и роились в больной голове. Скорее бы уж что ль смерть пришла да мучать её перестала.

Вздохнула, поворачивая уже ставшее непослушным тело на другой бок. Спать пора, вставать уж скоро. А она, считай, не ложилась.

Казалось, сон сморил её, да сквозь эту чуткую дремоту услышала она стук – тонёхонький, едва различимый. Неужто нечистая разыгралась? Али мышь в углу возиться начала. Кот Васька наво-стрил уши, но с места не шелохнулся. Лишь замер, вытаращив гла-за на дверь.

А меж тем стук повторился.

– Кого принесло на ночь глядя? – проворчала старая Анисья, зная, что не разбудит Тимофея – тот был глуховат и днём, а уж ночью хоть колуном по башке стучи – не услышит.

Мелькнула мысль – а может не открывать вовсе? Свои все дома, а чужие... И всё же то, что на улице мороз, не давало старухе покоя. Всё ещё ворча под нос, она накинула спешно шаль на плечи, и пода-лась к двери тяжёлой походкой, скрепя половицами.

Васька жалобно и громко мяукнул, испуганно зыркнув на неё зелёными горящими во тьме глазами. Ох, не к добру... И всё же проверить было надо.

Скрипнул тяжёлый засов под её руками, дверь, врезавшись в наметённый к порогу снег, открылась не сразу. А после...

– Матушка пресвятая Богородица! – воскликнула Анисья, сощу-рив подслеповатые глаза. – Это ещё кто?..

Перед ней, шаркая босыми ногами, стояла девочка лет семи, абсолютно голая, с растрёпанными волосами и такими огромны-

ми глазами, что впору было залюбоваться. Да вот мороз никуда не делся, и Анисья, схватив девчонку за плечи, потянула в избу, срывая на пути со своих плеч шаль, кутая в неё несчастную. Сердце так бешено заколотилось в груди, что впору было задохнуться, но сейчас её волновало другое. Девочка... её нужно было спасти любой ценой!

Та не сопротивлялась, делая всё, что требовала от неё старушка. Усадив пришедшую на свою ещё не успевшую остыть кровать, она укутала её в одеяла, подбросила дров в печку, налила в кувшин воды, сунув его в устье чтобы подогреть. Отыскала сушёные травы, бруснику да смородину – заварит, добавит мёда, да согреет дитя.

Девочка всё это время следила за ней глазами. Светло стало от огня, и теперь Анисья отчётливо видела её светлые, почти белые волосы, огромные голубые очи, обрамлённые светлыми густыми ресницами, да худющую фигурку, почти незаметную под тёплым ватным одеялом. Кожа девочки была не белой – мертвенно-бледной, но это Анисья списала на переохлаждение. Вот сейчас напоят её отваром, подлечит, и...

На печи завозился Тимофей, но Анисья тут же цыкнула на него. – Спи, старый! До утра ещё долгёхонько...

Тот спросонья и не заметил, что у них гости. А может попросту не увидел – глаза старика тоже давно подводили. А вот кот всё так же настороженно следил за девочкой немигающим взглядом – так, что шерсть на загривке поднималась. Но Анисью он сейчас только раздражал.

– Согрелась? – ласково спросила она пришедшую, поправляя чуть съехавшее с плеч девочки одеяло. – Хоть чутка...

Так кивнула, но продолжала молчать. Анисья заварила травы и поставила на стол настояться.

– Потерпи немножко, сейчас легче станет...

Девочка вновь кивнула, продолжая пристально наблюдать за пожилой женщиной.

Та уже и не чаяла её разговорить, но тут за спиной раздался тоненький детский голос.

– Ты совсем не помнишь меня?

Анисья обернулась, растерянно охнув.

– Фух, не нёмая! – радостно сообщила она, вытирая руки о тряпку. – А я уж подумала, вдруг юродивая какая...

Но девочка, будто не слышав её, повторила:

– Ты совсем не помнишь меня... мама?

Глава 2

Анисья, потеряв дар речи, опустилась на ближайшую лавку, глаз не отводя от девочки. А та продолжала изучать её в ответ пристальным взглядом. А после, выбравшись из-под одеял, подошла к несчастной женщине, что успела подумать, будто сошла с ума.

Девочка взяла её за руки и, сжав их крепко, заглянула будто в самую душу – глаза Анисьи, и та словно утонула в этом светлом, невинном взгляде. И...

– Вспомни, пожалуйста! – умоляющим голосом заговорила девочка. – Ты должна вспомнить...

Анисья почувствовала, что она хоть и сидела, но пол будто заходил под ней, угрожая уронить на пол. Кот закричал, завыл, но сейчас она не обратила на него никакого внимания.

– Вспомни... – вкрадчивый голос девочки пробирался всё глубже, и старуха, проваливаясь всё глубже в пучину своей памяти, неожиданно вспомнила...

Чувства захлестнули её. Она будто вернулась в тот день, когда ещё была молода, и тело её было не столь дряхлым, а ноги и руки крепки, как у всякой работающей деревенской бабы. Анисья была на сносях, но это не мешало ей выполнять привычную работу. Кто тогда смотрел на это? Есть хотелось каждый день, а хозяйкой в доме была она. Тут и приготовь, и скотину накорми, а там уж и муж с полей ворачивался. Целый день на ногах, как ни крути. Тяжело, да только все жили так, и на ум никому не приходило жаловаться.

Однако срок подходил, и с каждым днём ей всё становилось тяжелее. Присесть на лавку уже было за счастье, а уж лечь – то целый праздник. Скорее бы разрешиться... Умирая от усталости, Анисья решила отдохнуть, и внезапно поняла, что отошли воды...

...а дальше... Дальше всё было словно во сне. Пока вернулся Тимофей, да понял в чём дело. Пока сходил за повитухой... А та, явившись слишком поздно, сказала, что всё конечно. «Мертво твоё дитяко. Бог дал – Бог взял». Пряма так и сказала.

А Анисья, как пришла в себя, завывала да себя закорила. Тимофей не показывал её мёртвое тельце, обернул в рогожку, да отнёс на сельское кладбище. Не отпевают мертворождённых, да святая земля всех примет. Вот и сейчас Анисье выть захотелось так, чтобы голова лопнула. Боль, что столько лет держала в себе, вновь обрела краски, словно произошла всего день назад.

Но девочка эта, пришедшая, вдруг охватила её голову ручками и произнесла:

– Не так всё было, мама. Смотри...

Петух орал как прокажённый, что даже в избе слышно было. Тимофей потянулся, едва не свалившись с печки. Кости ломило, хоть было жарко, да старость она такая. Никого не бережёт. Сел, размяв сутулые плечи. Да вдруг замер, узрев такую картину.

Бабка его, Анисья, сидела на своей кровати и глаз не сводила с бледной белобрысой девчонки, закутанной в простыни. Она была так бледна словно обескровленная, полупрозрачная кожа казалась неживой. Словно мертвячка из земли-матушки поднялась, да в дом их наведальась. Худая, в старых Анисьиных лаптях на босу ногу. В руке девчонка держала веретено, да так ловко с ним управлялась, будто всю жизнь только и пряла. И только эти складные движения, да огромные голубые глаза, что повернулись в его сторону, едва он заметил её, сказали старику, что девочка живая.

– А энто хто? – будто до сих пор не веря своим глазам, спросил скрипучим голосом Тимофей. – Анисья!

Старуха обратила на него внимание не сразу. А после, повернув к мужу голову, произнесла елеиным, счастливым голосом: